ISSN 1994-2273

ВЕСТНИК
алтайской науки

№ 3(6) • 2009

Барнаул
Издательство Алтайского
государственного университета
2009

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
ДЕНИСОВ Юрий Николаевич – кандидат химических наук

Заместитель главного редактора:
БАРМИН Валерий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор

Ответственный секретарь:
ШАРАПОВ Алексей Владимирович – кандидат исторических наук

Члены редакционной коллегии:
ВЫСОЦКИЙ Юрий Александрович – доктор медицинских наук
КАЛАЧЁВ Геннадий Анатольевич – доктор медицинских наук, профессор
КАЛАШНИКОВА Наталья Григорьевна – доктор исторических наук, профессор
МАКСИМЕНКО Андрей Алексеевич – доктор технических наук, профессор
МОРКОВКИН Геннадий Геннадьевич – доктор сельскохозяйственных наук, профессор
ПЕТУХОВ Евгений Николаевич – кандидат юридических наук, доцент
СТЕПАНСКАЯ Тамара Михайловна – доктор искусствоведения, профессор
УШАКОВА Елена Владимировна – доктор философских наук, профессор

Отв. за выпуск **– А.В. ШАРАПОВ**

Журнал реферируется в ВИНИТИ

Интернет-версия журнала:
http://www.educaltai.ru/house_science/812/
ISSN 2072-8131 (on-line)

Журнал теоретических и прикладных исследований.
Выходит 4 раза в год

Все права защищены.
Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя

© Управление Алтайского края по образованию и делам молодежи, 2009
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА 5
Бакурадзе А.Б. Ценность человека и удовлетворенность трудом педагога 7
Белорукова Е.М. Перспективы развития системы повышения квалификации учителей начальных классов 15
Гончаров В.Д., Сартакова Е.А., Сартакова О.Ю. История становления и развития инженерного образования на Алтае 18
Измерова Я.Е. Интегративная модель гражданского воспитания личности на уроках литературы 27
Калашникова Н.Г., Жаркова Е.Н., Матис В.И. Повышение квалификации управленческих кадров в области решения задач модернизации образования 33
Карзакова О.В. Формирование учебной деятельности средствами информационных и коммуникационных технологий 41
Козырев Ю.Л. Электронные образовательные ресурсы в повышении квалификации школьных библиотекарей 48
Ледяева Ю.Р. Значение использования невербального опыта младших школьников в процессе обучения 52
Москвич Ю.Н. Образование на пути к новым целям: взгляд из ожидаемого завтра 56
Овсиевская И. Н., Тимченко Н.С. Валеоустановки педагогов как фактор развития здоровьесберегающего образования 65
Райских Т.Н. Использование информационно-коммуникационных технологий в системе повышения квалификации руководителей образовательных учреждений 70
Рыбальченко А.С. Работа с текстом видеозаписи как гуманитарная практика в системе повышения квалификации 74

ПСИХОЛОГИЯ 85
Григоричева И.В. Мотивация достижения и самореализация в профессиональном обучении 87
Ли Т.Т. Исследование стратегий преодолевающего поведения на примере студентов психологического факультета 90
Лукин-Григорьев В.В. Клинико-психологические аспекты проблемы кризисного состояния личности 95
Морозова Ю.А. Свобода выбора в гуманистической и экзистенциальной традиции и личностный кризис 97
Свободный Ф.К. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа («детектора лжи»): понятие, объект, предмет и опыт проведения в Алтайском крае 103
Шарапановская Е.В. Личность психолога как феномен 108

ИСТОРИЯ 119
Андрейчук С.В. Особенности укомплектования и снабжения Сибирского корпуса в начале 1770-х гг.: опыт и проблемы 121
Дятчин Н.И. История развития роторной техники и проблемы автоматических роторных линий на Алтае 130
Колупаев Д.В. Торговля и промышленность на землях Сибирского казачества во второй половине XIX века 136
Севастьянова С.К. Противоречия русской культуры XVII века и их отражение в литературно-публицистических сочинениях патриарха Никона 155

Сизова А.А. Торгово-экономическое взаимодействие России и Китая и русские консульства в Синьцзяне (вторая половина XIX – начало XX в.) 162
Тумайкина В.В. К вопросу о роли Г.А. Колпаковского в социально-экономическом освоении Илийского края в составе Туркестанского генерал-губернаторства (1871–1881 гг.) 170
Шарапов А.К. Террористический аспект в политической борьбе леворадикальных сил России на рубеже XIX и XX вв. 176

СЕРВИС И ТУРИЗМ 191
Ильин В.Н., Федосова В.Ю. Проблемы и перспективы развития приключенческого туризма в России 193
Табалдиева Ж.К. Рекреационно-оздоровительный потенциал Алтайского края 196
Щербинин Д.И. Активный туризм: проблемы развития в Алтайском крае 199

РЕФЕРАТЫ 203

НАШИ АВТОРЫ 218

ТРЕБОВАНИЯ *к оформлению материалов, представляемых для опубликования в журнале «ВЕСТНИК АЛТАЙСКОЙ НАУКИ»* 220

21. Матхаузерова, С. Две теории текста в русской литературе XVII в. / С. Матхаузерова // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1976. – Т. 31. – С. 271–284.

22. Живов, В.М. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века / В.М. Живов // Из истории русской культуры. – М., 1996. – Т. 3 (XVII – начало XVIII века). – С. 468.

23. Демин, А.С. Первое издание Пролога и культурные потребности русского общества 1630–1640-х / А.С. Демин // Литературный сборник XVII в. Пролог. – М., 1978. – С. 74.

24. Понырко, Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII века. Исследования. Тексты. Переводы / Н.В. Понырко. – СПб., 1992.

25. Мончева, Л.Н. Апостолическое письмо в становлении художественно-эстетической традиции средневековой литературы / Л.Н. Мончева // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1989. – Т. 42. – С. 188–199.

26. Севастьянова, С.К. «Перехваченная» грамота патриарха Никона вселенским патриархам (1665–1666 годы) / С.К. Севастьянова // Человек в пространстве и времени культуры: Сб. ст. по матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». – Барнаул; Рубцовск, 2008. – С. 135–278.

27. Севастьянова, С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты / С.К. Севастьянова. – М.: Индрик, 2007. – С. 102–135.

28. Севастьянова, С.К. Письма патриарха Никона к грекам и традиции поздневизантийской эпистолографии / С.К. Севастьянова // Сибирский филологический журнал. – 2008. – №2. – С. 5–16.

29. Севастьянова, С.К. Малоизвестный трактат Григория Синаита в трудах патриарха Никона / С.К. Севастьянова // Пятые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний (Москва, 30–31 октября 2007 г.). Материалы. – М., 2007. – С. 85–107.

30. Булычев, А.А. Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа / А.А. Булычев // Литература Древней Руси: Источниковедение. – Л., 1988. – С. 187–196.

31. Севастьянова, С.К. Особенности текстопостроения духовно-назидательных сочинений патриарха Никона / С.К. Севастьянова // Культура и текст: Культурный смысл и коммуникативные стратегии. Сб. науч. ст. – Барнаул, 2008. – С. 88–101.

32. Севастьянова, С.К. Библейские источники в переписке патриарха Никона с современниками / С.К. Севастьянова // Человек и мир человека: Сб. ст. всерос. науч. конф. – Рубцовск, 2006. – Вып. 3. – Ч. 1. – С. 311–335; Севастьянова, С.К. Библейская цитата и фрактата в посланиях патриарха Никона царю / С.К. Севастьянова // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. – Новосибирск, 2008. – С. 244–259.

33. Сапожникова, О.С. Сказание о Яренгских чудотворцах и методы работы древнерусского автора / О.С. Сапожникова // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. – СПб., 2005. – С. 576.

34. Панич, Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века / Т.В. Панич. – Новосибирск, 2004.

35. Калугин, В.В. Предисловие / В.В. Калугин // Пиккио Р. Slavia orthodoxa. Литература и язык. – М., 2003. – С. 12.

УДК 94 (47.08-0.83/510.4):327.82:339.54

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ И РУССКИЕ КОНСУЛЬСТВА В СИНЬЦЗЯНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

А.А. Сизова

Ключевыс слова: Россия, Китай, Синьцзянь, торгово-экономические отношения, дипломатия, консульства, двусторонние соглашения.

Расширяющееся торгово-экономическое сотрудничество России и Китая в XXI столетии актуализирует изучение прошлого российско-китайских связей, заставляет по-новому осмыслить его содер-

жание и специфику. Трансграничная хозяйственная активность субъектов обеих стран имеет давнюю историю, и одним из районов, в которых сложилась эффективная система экономических взаимодействий, был Восточный Туркестан. Во второй половине XIX в. торговые связи России и Китая начали приобретать более строгие контуры благодаря заключению ряда международных договоров, регламентировавших двустороннее экономическое сотрудничество, и открытию ряда консульских загранучреждений, одной из главных функций которых было содействие и регулирование хозяйственной деятельности российских подданных на территории Китая.

Целью данной работы является анализ условий создания русских консульств в Синьцзяне во второй половине XIX – начале XX в., их деятельности в области защиты экономических интересов России и роли в развитии российско-китайских экономических отношений. Разносторонняя активность русских консульств в Застенном Китае во второй половине XIX – начале XX в. является сравнительно новым сюжетом в отечественной и зарубежной историографии русско-китайских отношений, поэтому результаты данного исследования могут заполнить определенную лакуну в истории двусторонних связей.

Создание русских консульств в Синьцзяне связано с активизацией экономических и политических связей России и Китая во второй половине XIX в. и с изменением российских стратегических интересов на «окраинах» Цинской империи – в Синьцзяне, Монголии и Маньчжурии. До этого русско-китайская торговля в Центральной Азии имела «нелегальный» характер [1, с. 20]. Рост русско-китайского товарооборота произошел по второй четверти XIX в., что было связано с реструктуризацией и увеличением объемов последнего [2, с. 146–148]. В торговле с Западным Китаем в основном участвовали сибирские купцы, которые обменивали товары с Ирбитской и Нижегородской ярмарок на шелк, фарфор, чай (из Чугучака и Кульджи), изделия из хлопка, ковры, рис, сушеные фрукты (из Ташкента, Коканда и Бухары), а также невыделанные шкуры, лошадей, домашний скот, диких пушных зверей, войлок из «киргизских степей» [1, с. 28].

С 40-х гг. XIX в. Россия стремилась нормализовать торговые отношения с Китаем, придать им законный характер [3, с. 191–199]. Из-за отсутствия нормативных документов, регулировавших торговлю с западом Китая, ее судьба зависела от произвола цинских чиновников, и доходы русских купцов в этот период были весьма низкими. Поворотным пунктом в развитии торговых сношений России и Китая на рубежах Центральной Азии стало заключение Кульджинского договора (1851), узаконившего уже существовавшую в Или и Тарбагатае русскую торговлю.

Со второй половины XIX в. торговля заняла центральное место в российской политике в Китае. Синьцзян, наряду с другими пограничными регионами Цинской империи, активно участвовал в торговле с Россией. За более чем полувековую историю русско-синьцзянских торговых связей этот регион Китая из источника сырья превратился в самостоятельный субъект экономических отношений и зону приложения российского капитала [4, с. 270–279]. Двусторонние соглашения обусловили распространение в Западном Китае сети проводников торгово-экономических интересов России – императорских консульств.

Договор 1851 г. закрепил за Россией право основания в Кульдже и Чугучаке консульств и отдельных русских поселений – факторий. В 1850-е гг. было положено начало формированию русской колонии в Западном Китае. Однако антицинское восстание 1864–1878-х гг. оказало губительное влияние на состояние русских факторий в Кульдже и Чугучаке, которые были разорены и разрушены [5, с. 71–74, 94]. Подписание Петербургского договора 1881 г. дало возможность восстановить фактории и консульства, а также открыть новые загранучреждения в Кашгаре и Турфане [6, с. 71–82]. Впо-

следствии было открыто консульство и в г. Урумчи.

В отличие от Монголии, где отношение к русским было более благожелательным, Западный Китай не спешил навстречу русской торговле и дипломатии. Население Синьцзяна было преимущественно мусульманским: таранчи, дунгане, киргизы (казахи) и т. д. «Нецивилизованное» общество, живущее по средневековым традициям, с подозрением относилось ко всему иностранному. Сказывалась и общая неприязнь китайцев к «варварам», «закабалившим» их родину неравноправными договорами. Однако, поскольку первыми русскими подданными, вступившими в торговые отношения с Западным Китаем, были мусульманские народности России (киргизы, татары и другие), они находили общий язык с туземным населением, и приграничная торговля шла сравнительно успешно.

Тем не менее, назначенные в города Западного Китая российские консулы сталкивались с множеством препятствий в отправлении своих обязанностей. Традиционному закрытому обществу было чуждо понятие консульского института, присутствие иностранных властей в целом. К тому же, учреждение консульств было навязано Китаю силой, и это было еще одной причиной недружелюбного отношения населения к ним. Со временем китайские подданные, в первую очередь торговый элемент, ощутили значительную выгоду от присутствия российских дипломатических и торговых агентов в их стране.

Первое русское консульство в Кульдже (Инин) – центральном городе Илийского края – было открыто в 1851 г. До начала 1860-х гг. русской стороне удалось выстроить здания консульства и торговые фактории, но мусульманские восстания 60–70-х гг. XIX в. приостановили их деятельность. Несмотря на то, что многие русские в это время вернулись на родину, недвижимость сохранилась за владельцами, и ко времени возобновления деятельности консульства в 1882 г. русская колония в Кульдже была довольно многочисленной.

Отдельного русского поселения в Кульдже не сложилось, дома колонистов были разбросаны по территории края. В последующие годы купцы сформировали свой городок, а в конце XIX – начале XX в. стали арендовать земли возле консульства, находившегося за пределами города. Географически русская колония в Или представляла собой две большие части в городе и возле него и несколько десятков домов, разбросанных по краю. Внешний облик консульства и фактории подробно описан Н.В. Богоявленским [7, с. 335–336]. В 1851–1863 гг. первым консулом в Кульдже был И. Захаров. В последующие годы консулами здесь состояли Колотовкин (инициалы не установлены), К. Павлинов, И. Падерин, В. Успенский, М. Федоров, Бродянский (инициалы не установлены), В. Люба.

Учреждение консульства в Чугучаке (Тачэне) было закреплено русско-китайским договором 1851 г. Оно имело непростую историю: пережило поджог в 1855 г., мусульманские волнения 1860–70-х гг., прервавшие его работу, и было восстановлено в 1882 г. На время антицинских мятежей секретарь консульства переместился в русскую казачью станицу Уджарскую, в 150 верстах от Тарбагатая (до 1875 г.). Русская фактория в Чугучаке стала возрождаться с середины 1870-х гг., одновременно с началом заселения края китайцами. Торговавшие татары и сарты строили дома без разрешения, недалеко от разрушенной русской фактории. Впоследствии земли, занимаемые этим поселением, и прилегавшие к ним участки были отданы фактории. Так как российский торговый контингент в Чугучаке представляли, в основном мусульмане, фактория копировала сартские селения Средней Азии [7, с. 337]. Первым русское консульство в Чугучаке возглавил А. Татаринов. В последующие годы эту должность замещали К. Скачков, Н. Балкашин, И. Падерин, Н. Борнеман, С. Соков, В. Долбежев.

Н. Балкашину, возглавившему консульство в 1882 г., пришлось решать сложный вопрос о мусульманской колонии в Чугучаке, регулировать взаимные

претензии приграничного казахского населения. После передачи Или Китаю он употребил немало усилий на переговорах с цинскими властями о выделении российским мусульманам участка для обустройства фактории [1, с. 67]. 5 марта 1883 г. консул Балкашин и градоначальник Чугучака Ликуан подписали особый «Договор об отводе земли русским подданным, торгующим в Чугучаке, 5 марта 1883 г.» [8, с. 143–145], а 26 мая 1898 г. консулом в Чугучаке Борнеманом был подписан «Протокол об исправлении северной границы русской фактории в Чугучаке» [8, с. 221–223].

Петербургский договор 1881 г. позволил России взамен возвращения Илийского края приобрести ряд важных торговых привилегий во «внешнем» и «внутреннем» Китае – Монголии, Маньчжурии, Синьцзяне и Ганьсу. Как пишет исследователь Сунь Чжинцин, в результате реформ 1860-х гг. русская буржуазия стала оказывать гораздо большее влияние на выработку внешнеполитического курса России, стремясь получить новые рынки сбыта продукции на Востоке, в районах, в которых российская продукция могла конкурировать с европейской [9, с. 52]. Таким образом, возрастание торгово-экономического значения Западного Китая для России обусловило открытие новых консульских учреждений в данном регионе.

Консульство в Кашгаре (Каши) было учреждено в 1882 г. В Кашгарии не существовало специальной русской фактории. Разрозненность проживания русских подданных в регионе была связана с нежеланием китайской администрации выделить земли русским торговцам под организацию поселений и торговли. Поэтому самовольно занятые русскими земли были переданы во владение колонии. Изначально открытие консульства в Кашгаре предусматривалось ст. 8 Пекинского договора с Китаем (1860) [10, с. 40]. Однако Россия не спешила с назначением консула в Кашгар, в первую очередь по причине восстаний в Синьцзяне и сложных взаимоотношений с эмиратом Йэттишар.

Первым консулом в Кашгаре стал Н.Ф. Петровский, бессменно занимавший пост до 1903 г. Достойное представление российских интересов позволило ему приобрести большой авторитет и влияние в Северо-Западном Китае. В.Г. Обухов пишет: «…Даже британские научно-разведывательные экспедиции обращались в сложных ситуациях не в свое немощное консульство, а прибегали к содействию Николая Петровского» [10, с. 27]. Авторитет консулу прибавлял и конвой из полусотни казаков. С 1903 по 1917 г. консулами в Кашгаре состояли дипломаты С. Колоколов, Бобровников (инициалы не установлены), Д. Мещерский, В. Успенский.

Русское консульство и фактория в Урумчи были созданы в 1896 г. На пути образования русской фактории было немало препятствий, создаваемых китайскими властями. До официального основания русского поселения в городе торговавшие там русские подданные жили в разных его частях.

По Петербургскому договору Россия получила право открытия консульства в г. Турфане, однако этот небольшой населенный пункт был неперспективен с точки зрения торговли и стратегии, а роль г. Урумчи, наоборот, возрастала. Китайская администрация пыталась предотвратить присутствие иностранных властей в этом городе, предлагая плохие участки для строительства консульских зданий. Консул М. Федоров договорился о сооружении помещений консульства и колонии на высоком берегу реки, в соответствии с «Соглашением об отводе земельных участков для постройки русского консульства и фактории в Урумчи» (8 ноября 1896 г.) между М. Федоровым и Ином, даотаем округов Чжэньси и Дихуа [8, с. 217–219]. Консулами в Урумчи в разные годы служили М. Федоров, Кохановский, Н. Богоявленский, Н. Кротков, А. Дьяков.

В 1912 г. Алтайский округ вошел в состав Синьцзяна, и консульство в Шара-Сумэ также стало «западно-китайским» русским консульским учреждением.

Основные функции и обязанности консулов в координации торгово-экономической деятельности русских подданных были закреплены в упомянутых российско-китайских договорах, Правилах сухопутной торговли 1862 г., 1869 г., 1881 г. [8, с. 91–95, 101–107, 125–131], а также в Уставе Консульском [11] и ведомственных инструкциях. По договору 1851 г. консулы, в случае столкновения между подданными двух государств, должны были «решать дела своей нации по всей справедливости» [1, с. 35]. Они регулировали въезд и выезд российских торговцев из Синьцзяна, выдавали специальные билеты, без которых купцам запрещалось находиться в городе, выходить из караван-сараев (ст. 3), следили за строительством и деятельностью факторий. Правила сухопутной торговли определили права и обязанности консулов в области контроля над русской торговлей. Консул мог досматривать российскую и китайскую продукцию, получать информацию об ассортименте и количестве привозимых и вывозимых русскими товаров, собирал пошлину за размещение товаров в факториях. Консульства тесно сотрудничали с таможнями, составляли ведомости о количестве отправляемых в Россию товаров и т. д. [12, с. 83].

С учреждением консульств в Чугучаке и Кульдже деятельность сибирского купечества в Синьцзяне и экспортные показатели России значительно увеличились – уже в 1852 г. обороты российской торговли возросли в пять раз по сравнению с началом века (до 2,5 млн руб. серебра в год). На первых порах русская торговля в Синьцзяне испытывала затруднения и «стеснения со стороны китайских властей и необузданного разноплеменного населения» [13, с. 1–31]. Противодействие маньчжуров проявилось также в 1880-х гг., когда власти не пускали российские караваны в Или до окончательной передачи края Китаю. Чиновники в Тарбагатае блокировали торговлю, рассчитываясь с русскими купцами векселями, по которым последние долгое время не могли получить деньги, что привело к «совершенному падению» торгового значения Чугучака для России в конце XIX в. [14, с. 292–312]. Консулы боролись с произволом чиновников дипломатическими методами, заявляя протесты по поводу посягательства на права россиян. Как правило, протесты удовлетворялись, и нарушенные права восстанавливались. Так, в 1892 г. под давлением русских консулов в Синьцзяне были отменены ввозные и вывозные пошлины, установленные вопреки положениям Петербургского трактата. На этот период приходится борьба консулов и с рядом других нелегитимных запретительных мер цинских властей – на торговлю чаем, скотом и т. д. [1, с. 39].

Консул в Или И.И. Захаров участвовал в переговорах с Китаем по урегулированию ситуации после поджога фактории в Чугучаке (1855) и вопросам возмещения убытков частным лицам и казне [1, с. 40]. Российской делегации удалось добиться компенсации потерь купцов и казны в виде трехлетней выплаты 5500 мест высококачественного чая на сумму 305 тыс. руб. [15, с. 9–10], а также наказания организаторов погрома и безответственных чиновников, которые выстроили за свой счет новую русскую факторию в Чугучаке. Таким образом, русская торговля в Тарбагатае с 1858 г. получила «второе дыхание» [15, с. 9–10].

Консулы уделяли большое внимание вопросам улучшения торговых сообщений, актуальность которых для России возросла после заключения Кульджинского трактата. Правительство озаботилось строительством почтовых трактов в Киргизском крае, один из них – из Копала в Верный – был открыт в 1854 г. Обсуждалась мысль об открытии судоходства по оз. Балхаш, р. Иртыш в оз. Нор-Зайсан, прокладке колесной дороги между Чугучаком и Семипалатинском. Консул в Чугучаке также предлагал организовать торговые склады на близких к Кульдже и Чугучаку российских территориях для облегчения доставки товаров на рынки Синьцзяна [13, с. 28]. В 1870-х гг. многие из этих предложений были реализованы генерал-губернатором Западной Сибири

Н.Г. Казнаковым, который занялся организацией на границе с Синьцзяном и Монголией пограничных торговых поселений (Бакты, Кош-Агач), исследованием торговых путей в Западный Китай [13, с. 44]. В 1904–1908 гг. консул в Кашгаре С. Колоколов осуществил проект строительства колесной дороги из Кашгара к Семипалатинску. Наряду с техническим совершенствованием транспортировки грузов – караванная перевозка товаров постепенно заменяется колесной, а затем и железнодорожной – открытие новых путей торгового сообщения существенно увеличило товарооборот с Восточным Туркестаном.

Для вывода торговли с окраинами Китая из застоя в 1860–70-х гг. основной акцент решено было сделать на Монголии [13, с. 34]. Для расширения связей с Монголией весной 1870 г. в Кобдо и Улясутай направилась экспедиция по изучению путей сообщения в Западной Монголии и караван бийских и семипалатинских купцов в сопровождении кульджинского консула К. Павлинова [16, с. 36, 40–41; 5, с. 83, 103–104]. Несмотря на то, что экспедиция подверглась нападению дунган и понесла людские и материальные потери, удалось установить контакты с улясутайским цзянцзюнем, организовать торг и добыть ценные сведения о торговых перспективах в регионе.

После заключения договора 1881 г. консулы в Синьцзяне были озабочены проблемой российских торговцев в Илийском крае. 5 августа 1883 г. консул в Чугучаке Н. Балкашин на Особом совещании МИДа добился предоставления ему права бесплатно выдавать русским подданным Тарбагатая, не имеющим заграничных паспортов, билеты и приписывать их к русским городам [1, с. 68].

Значительные усилия были употреблены консулами для восстановления баланса отечественной торговли в Джунгарии и Кашгарии, в том числе посредством исследования регионального рынка, конъюнктуры русских и китайских товаров, потребностей местного населения. Обладая информацией о популярности тех или иных товаров в Китае и экономической ситуации в стране в целом, они консультировали соотечественников по ассортименту ввозимой и вывозимой продукции, методам и времени ведения торга, многим финансовым вопросам.

Консулы стремились добиться большей конкурентоспособности российских товаров на фоне растущей популярности продукции европейских держав в Западном Китае. Они неоднократно обращались к российским фабрикантам-текстильщикам с просьбой учитывать особенности потребительского вкуса населения Китая и экспортировать ткани, соответствующие местным стандартам [17, с. 212–213], однако предприниматели, как правило, оставляли советы консулов без внимания. В итоге игнорирование пожеланий китайского населения и английская конкуренция привели к тому, что к середине 1890-х гг. ввоз тканей из России практически прекратился. Проблема несоответствия характера ввозимых товаров потребностям населения коснулась разных видов мануфактурной продукции.

Справедливым будет замечание о том, что именно консульский аппарат был «двигателем прогресса» и поборником внедрения новинок на китайский рынок, поскольку сами русские торговцы были осторожны относительно ввоза новых товаров на традиционный рынок Синьцзяна, полагаясь на сложившийся набор продаваемых вещей. Одним из нововведений, внедренных консульствами Тарбагатая и Кульджи в 1880-90-х гг., стало развитие кредитного торга. По инициативе консула в Урумчи Е. Кроткова в 1910-х гг. было создано несколько справочных торговых бюро, призванных стать посредниками между российскими производителями и местными торговцами [1, с. 92–93].

В начале XX в. рынок Синьцзяна стал наводняться «плодами цивилизации», невиданными ранее на Востоке (керосиновые лампы, зеркала, мясорубки, железные кровати, зонты, подсвечники и др.). Русские консулы призывали представителей русской торговой когорты уловить тенденции отказа Азии от сугубо азиатского

стиля жизни и проявившейся ориентации азиатов на Европу. Они предлагали переоценить китайский рынок и изменившиеся потребности китайского общества, в том числе не «навязывать ... дешевые подделки под азиатские вкусы низкого качества», а «овладеть нарастающими культурными потребностями китайцев», приобщить к европейской цивилизации [1, с. 106].

К концу XIX в., во многом благодаря усилиям русских консулов, русско-китайская торговля в Синьцзяне, возобновившаяся с 1882 г., превратилась из транзитной в именно русско-синьцзянскую. В результате коренных изменений структуры торговли и районов сбыта Западный Китай стал поставщиком сельскохозяйственного сырья, местных промыслов и рынком сбыта российских промышленных товаров. Благодаря этому экономическая экспансия России в Синьцзяне набирала обороты.

С начала XX в., в условиях роста китайской конкуренции после провозглашения политики «китаизации» окраин Цинской империи, а также активного экономического внедрения Англии и Японии в Синьцзян, консульства обратили внимание царского правительства на необходимость экспорта российского промышленного капитала в Восточный Туркестан. Консулы настойчиво добивались от Цинов концессий на разработку каменноугольных залежей для сбыта угля на месте и вывоза в Россию. В 1900-х гг. в городах Западного Китая открываются заводы и фабрики, специализирующиеся на добыче и переработке сырья [18, с. 114].

Важная роль консулов заключалась в пресечении неблаговидных действий русских купцов в Синьцзяне. Они следили за соблюдением торговцами установленных правил торговли, обычаев и законов, за ведением ими умеренного образа жизни, призывали не допускать конфликтов с местными жителями. Нарушения чаще всего были связаны с переходом караванами китайской границы без правильно оформленных письменных свидетельств и с «суровыми» развлечениями торговцев. При нарушении российскими подданными общественного или торгового режима в Китае консулы принимали соответствующие меры. Справедливыми действиями они завоевывали доверие цинской администрации и местного населения. Случаи обвесов, обмана со стороны русских торговцев, по сравнению с их британскими коллегами в Китае, были немногочисленны [17, с. 223]. Поведение русского купечества в Китае можно было назвать вполне достойным. Купцы были трудолюбивы, честны в расчетах и аккуратны в выполнении заказов, что вызывало доверие и уважение китайских торговцев и покупателей [19, с. 210–222]. Возникавшие вопросы, в том числе торговые и пограничные, решались Россией дипломатическим путем, с редким применением силового давления. Значительная часть торговых споров разрешалась на «международных съездах», в которых, наряду с народным судьей, укурдаями и представителями купечества, принимали участие и императорские консулы.

Сбор торговой информации был одним из самых сложных задач консулов в Западном Китае. Как китайские, так и русские торговцы, относились к беседам с консулами о своих активах и пассивах, ассортименте товаров, конкуренции с подозрением, поэтому последним приходилось применять все дипломатическое искусство для расположения их к себе. Не менее сложным было общение с местными маньчжурскими властями, которые «строили козни» русским торговцам и самим консулам. Тяготы, сопутствовавшие данному виду работы дипломатических агентов, подробно описал Н.В. Богоявленский [7, с. 345–359].

Значительный вес и авторитетность мнения консулов в Синьцзяне были ярко продемонстрированы в случаях принятия правительством решений, наносящих ущерб двухсторонней торговле, и открытого недовольства купечества относительно данных постановлений. Подлинной заслугой консулов в Кульдже и Чугучаке, а также посланника в Пекине следует считать отмену Министерством финан-

сов изданного в январе 1909 г. распоряжения о вводе пошлины с вывозимого из Синьцзяна сырья, зачастую превышавшей стоимость самих товаров [18, с. 112]. Проведение в жизнь этого решения было затруднительным и в силу меново-кредитного характера торговли в Или. Отмена данного распоряжения силами российских дипломатов, знавших реальную обстановку в мире приграничной торговли, благоприятствовала превращению Туркестана в область влияния России.

После Синьхайской революции и прихода к власти Юань Шикая протесты российских консулов не позволили синьцзянскому правительству ликвидировать привилегии для подданных России. Некоторое время это позволяло сохранить рост положительного сальдо русско-китайской торговле в Синьцзяне. С началом Первой мировой войны экономические контакты России с Западным Китаем нарушились. Консулы пытались поддержать русских подданных в кризисной ситуации, сопряженной с их притеснениями и антирусской политикой властей. В 1900–1910-х гг. торговля стала базисом промышленных интересов России и ее политики в отношении Синьцзяна. Несомненно, большая заслуга в ее развитии принадлежит русским консулам.

Таким образом, разносторонняя деятельность российских консульств оказала значительное влияние на развитие экономических связей России (в особенности ее сибирского региона) и Синьцзяна. Защиту национальных интересов отечества и его подданных осуществляли консульские сотрудники, невзирая на многочисленные препятствия, в том числе со стороны маньчжурских властей, внутригосударственные политические потрясения в Китае, а также ожесточенную конкуренцию держав в регионе. Качественное выполнение своих функций консулами, их инициатива и профессионализм стали одним из факторов роста объемов русско-синьцзянской торговли в начале XX столетия (оборот в 1903–1904 гг. составил 15–20 млн руб. [7, с. 226], 75% внешнеторгового оборота провинции Синьцзян приходилось на Россию) и российского промышленного капитала в Туркестане, развития доброжелательного отношения населения Западного Китая к России, усвоения им элементов русской культуры, укрепления стратегических позиций Российского государства в регионе в целом.

Библиографический список

1. Кожирова, С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.) / С.Б. Кожирова. – Астана, 2000.

2. Алдабекова, Н.А. Зарождение русско-китайских торговых связей в Центрально-Азиатском регионе в конце XVIII – середине XIX вв. / Н.А. Алдабекова // И не распалась связь времен… К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. – М., 1993.

3. Алдабекова, Н.А. Русско-китайская торговля в Синьцзяне 40-х гг. XIX в. / Н.А. Алдабекова // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. II. – М., 1988.

4. Сладковский, М.И. Очерки торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М.И. Сладковский. – М., 1974.

5. Моисеев, В.А. Россия и Китай в Центральной Азии / В.А. Моисеев. – Барнаул, 2003.

6. Воскресенский, А.Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний / А.Д. Воскресенский. – М., 2004.

7. Богоявленский, Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных / Н.В. Богоявленский. – СПб., 1906.

8. Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / Под общ. ред. В.С. Мясникова. – М., 2004.

9. Сунь Чжинцин. Китайская политика России в русской публицистике конца XIX – начала XX века: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке / Сунь Чжинцин. – М., 2008.

10. Обухов, В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян / В.Г. Обухов. – М., 2007.

11. Полный свод законов Российской Империи (на 1 сентября 1910 г.) / Под ред. А.А. Добровольского, Обер-Прокурора Судебных Дел Правительствующего Сената. Кн. 1–2. Т. I–VIII. – СПб., 1911.

12. Кисловский, Ю.Г. История таможни государства Российского / Ю.Г. Кисловский. – М., 1995.

13. Балкашин, Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Среднею Азиею и Китайскими владениями / Н. Балкашин // Записки ЗСО ИРГО. – Омск, 1881. – Кн. 3.

14. Васенев, А. От Кобдо до Чугучака (Маршрут купеческого каравана) / А. Васенев // Известия Императорского Русского географического общества. Т. XIX. Вып. 4. – Спб., 1883.

15. Н.К. Исторический очерк торговли с западным Китаем и западной Монголией через Семипалатинский край // Наше хозяйство. – Семипалатинск, 1926. – Сб. №4.

16. Старцев, А.В. Записка полицейского исправника Е. Замятина как источник по истории российско-китайско-монгольских торговых отношений в середине XIX в. / А.В. Старцев // Отечественные архивы. – 2004. – №5.

17. Хохлов, А.Н. Торговля – приоритетное направление политики России в отношении Китая / А.Н. Хохлов // И не распалась связь времен. – М., 1993.

18. Красильников, В.Д. Синьцзянское притяжение / В.Д. Красильников. – М., 2007.

19. Хохлов, А.Н. Российские купцы в Китае 60–80-х гг. XIX в.: трудные будни и редкие праздники / А.Н. Хохлов // XIX научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч.II. – М., 1988.

УДК 94 (47).08

К ВОПРОСУ О РОЛИ Г.А. КОЛПАКОВСКОГО В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОСВОЕНИИ ИЛИЙСКОГО КРАЯ В СОСТАВЕ ТУРКЕСТАНСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВА (1871–1881 гг.)

В.В. Тумайкина

Ключевые слова: Военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский, Илийский край, временная оккупация, советская историография, Семиреченская администрация, Кульджа, Канцелярия по Кульджинским делам, Кульджинский султанат, Султан Абиль-оглы, контрибуция.

Проблема временной оккупации российскими войсками Илийского края привлекала и до сих пор привлекает интерес многих ученых. В данном направлении были подробно рассмотрены вопросы, касающиеся самого «Илийского кризиса», русско-китайских переговоров по передаче края Китаю, позиций Российского и Цинского правительств в этом кризисе, подписания Санкт-Петербургского договора 1881 г., вопросы, касающиеся разграничения в этой части русско-китайской границы, проблемы, связанные с китайскими эмигрантами и др. Существует также большое количество архивных источников и специальная литература по истории пребывания русских войск в Илийском крае [1; 2]. Но при изучении этой литературы практически не встретилось конкретных оценок, касающихся Г.А. Колпаковского. Несмотря на это, в общих выводах, сделанных многими исследователями по вопросу временного занятия Илийского края, можно выявить характер действий местной администрации.

Некоторые представители советской историографии негативно отзывались о личностях, служащих при местной администрации [3]. В работах советских авторов встречаются нелестные высказывания в адрес царских чиновников.

Среди современных исследований можно выделить работы В.А. Моисеева, содержащие более объективную характеристику личности Г.А. Колпаковского как активного и дальновидного администратора и военного [4–8]. Также следует назвать работы А.Д. Воскресенского, Д.В. Дубровской и др. [9–11].

Цель данной статьи заключается в анализе и оценке мероприятий, предпринимаемых Г.А. Колпаковским в Илийском крае, в результате чего должно оформиться более полное представление характера действий в Кульдже, двигате-